

Зеленое утро

(из книги «Марсианские хроники»)

Когда солнце ушло за горизонт, он сделал привал у края тропинки и приготовил нехитрый ужин, а затем неторопливо ел, слушая, как потрескивает костер, и думал о своем. В сущности, этот день ничем не отличался от остальных тридцати. Он так же встал на рассвете, чтобы успеть как можно больше сделать лунок, бросить в них семена и полить водой из прозрачных каналов. Теперь, когда усталость придавила к земле его щедрое тело, он лежал и смотрел на небо, где темные краски сменяли одна другую.

Ему было тридцать один, звали его Бенджамин Дрисколл. Он мечтал увидеть Марс зеленым от высоких деревьев с густой кроной, в изобилии дающих кислород, деревьев, которые с каждым годом будут все выше, принесут прохладу городам в знойное лето, защитят от ветров зимой. Разве сочтешь все, что дает дерево. Оно красит землю, дарит ей благодатную тень и богатство своих плодов. Дерево — это волшебный мир нашего детства, по могучим стволам можно взобраться в поднебесье или вволю покачаться на ветвях. Чудесное творение природы, дающее людям пищу, приносящее радость, — вот что такое дерево. Но прежде всего оно очищает воздух, ласкает слух тихим шелестом листвы, и под его убаюкивающий шепот так сладко спится по ночам.

Он лежал и слушал, как ночная земля набирает силу в ожидании дождей, которых все нет. Он приложил ухо к земле, и ему почудились далекие шаги того времени, которое непременно придет, и он видел, как семена, брошенные сегодня в землю, дают зеленые ростки. Вот уже могучие стволы тянутся к небу, выбрасывая одну ветвь за другой, и Марс становится рощей, пронизанной солнцем, цветущим садом.

Завтра на рассвете, едва крохотное марсианское солнце коснется бледным лучом складок гор, он уже будет на ногах, быстро съест пропахший дымком завтрак, погасит костер и, закинув за спину мешок с семенами и саженцами, отправится в путь — пробовать грунт, делать лунки, бросать семена, сажать саженцы, заботливо приминая землю вокруг, поливать и идти дальше, тихонько насвистывая и поглядывая на светлеющий край неба, — завтра снова будет жаркий день.

— Тебе тоже нужен кислород, — сказал он, обращаясь к костру, озорному румянолицему другу, который, хоть и не прочь укусьить за палец, делит с тобой ночлег, и в темноте прохладной ночи его сонный розовый глазок излучает

благодатное тепло. — Нам всем нужен кислород, а его так мало на Марсе. От этого быстро устаешь. Здесь как в высоких Андах, в Южной Америке. Хочешь вдохнуть полной грудью, а воздуха-то нет! Так и остаешься ни с чем.

Он ощупал себя руками — его грудная клетка заметно расширилась за эти тридцать дней на Марсе. Здесь необходимо тренировать легкие, чтобы они набирали побольше воздуха. Или же сажать деревья — как можно больше деревьев!

— Теперь тебе понятно, зачем я здесь, — сказал он. Костер стрельнул в ответ. — В школе нам рассказывали о парне по прозвищу Джонни Яблочное Семечко. Он прошел всю Америку и везде сажал яблоневые деревья. Мое дело поважнее. Я сажаю дубы, вязы, клены — все деревья, какие есть, — осину, гималайский кедр, каштан. Вместо плодов, чтобы утолить голод, люди получают свежий воздух, чтобы дышать. Когда эти деревья вырастут, представляешь, сколько они дадут кислорода!

Он вспомнил день, когда прибыл на Марс. Вместе с тысячами других он смотрел на тихое марсианское утро и думал: «Приживусь ли я здесь? Что ждет меня? Найду ли дело по душе»?

А потом он потерял сознание.

Кто-то сунул ему под нос флакончик с нашатырным спиртом, и, закашлявшись, он пришел в себя.

— Ничего страшного, — успокоил его врач.

— Что со мной?

— Слишком разреженный воздух. Многие не выдерживают. Думаю, вам лучше вернуться на Землю.

— Нет! — Он сел, но тут же снова потемнело в глазах, и Марс дважды обернулся вокруг своей оси. Ноздри жадно раздулись, когда он попытался втянуть в легкие воздух, которого не было. — Ничего, обойдется. Я должен остаться здесь.

Его больше не трогали. Он лежал, судорожно открывая рот, как рыба, выброшенная на берег, и думал: «Воздух, воздух, воздух! Меня отправят обратно, потому что здесь нет кислорода».

Повернув голову, он посмотрел на марсианские равнины и холмы. Дурнота прошла, и теперь, когда он мог все хорошенько разглядеть, его поразило, что вокруг ни клочка зелени, куда ни глянь — пусто. Казалось, земля сама себя прокляла — черная, плодородная земля, но на ней даже трава не растет.

«Воздух», — думал он, со свистом втягивая пустоту. На вершинах холмов или у их подножий, где ложатся тени, даже у ручья — ни деревца, ни травинки. Ну конечно же! Он понимал, что ответ подсказал ему не разум, а боль в груди и пересохшем горле. Был он неожиданным, как глоток кислорода, способный снова поставить его на ноги. Здесь нужны деревья, нужна трава! Он посмотрел на свои руки, повертел ими — ладони вверх, ладони вниз. Надо посадить здесь деревья, посеять траву! Это и будет его делом. Он бросит вызов всему, что может помешать остаться здесь. Пойдет на то, что объявит Марсу войну, и это будет зеленая война. Вот она, древняя марсианская почва. На ней когда-то росли леса, такие древние, что в конце концов выродились и исчезли. А что, если снова посадить здесь деревья, например те, что растут на Земле? Роскошные мимозы, плакучие ивы, магнолии и красавцы эвкалипты? Что будет тогда? Кто знает, какие богатства таит в себе эта земля, какие силы остались в ней нетронутыми, потому что древние папоротники, цветы, кустарники и деревья, отжив свой век, погибли.

— Помогите мне встать! — крикнул он. — Я должен видеть Координатора.

Они с Координатором проговорили все утро — и все о том, что должно расти здесь, зеленеть, цвести. Пройдут месяцы, а то и годы, прежде чем на Марсе начнутся массовые посадки деревьев. Продукты питания доставляются с Земли в замороженном виде в ракетах-рефрижераторах, похожих на ледяные сосульки. Правда, кое-где в поселках уже выращивают овощи в гидропонных теплицах.

— А пока возьмитесь-ка за это дело вы, — заключил Координатор. — Дадим вам семян, кое-какой инвентарь. На ракетах не хватает места, чтобы доставить все необходимое. Первые поселки строились все больше возле шахт да рудников, так что, боюсь, ваше начинание мало кто поймет или поддержит... На это не рассчитывайте.

— Значит, вы мне разрешаете?

Он получил разрешение, а также мотоцикл, прицеп которого был доверху наполнен отборными семенами и саженцами, и отправился в путь. В пустынной долине он оставил мотоцикл и дальше пошел пешком.

Прошло уже тридцать дней, и за это время он ни разу не оглянулся назад. Оглянуться — означало бы потерять веру. Сушь стояла невиданная, семена едва ли дали ростки. Может, все, что он затеял, ради чего целый месяц трудился, не разгибая спины, напрасно. Он смотрел только вперед, когда шагал под жарким солнцем по дну широкой долины, все дальше от Первого Города, и надеялся на дождь.

Над голыми, иссушенными солнцем вершинами клубились облака, и он натянул на себя одеяло. Марс непредсказуем, как само время. Он чувствовал, как раскаленные вершины отдают тепло холодному воздуху ночи, и думал о тучной, черной, как чернила, марсианской почве, такой черной и блестящей, что, казалось, она оживет и зашевелится, если зажать ее в ладони. Она так плодородна, что, если посадить на ней бобы, стебли будут гигантского роста, а из лопнувших стручков на землю, как ядра, будут падать зерна невиданной величины, сотрясая все вокруг.

Костер, затухая, спрятался в золу. Воздух дрогнул от грохота далекой колесницы. Гром. Неожиданно потянуло речной прохладой. «Сегодня ночью», — подумал он и высвободил руку из-под одеяла, чтобы проверить, не пошел ли дождь. — «Сегодня ночью.»

Что-то легонько ударило по лбу, и он проснулся.

Струйка влаги сбежала по носу и смочила губы. Еще одна капля попала прямо в глаз и на миг ослепила, другая ударила по подбородку.

Дождь.

Прохладный, ласковый, неторопливый, он падал с неба, как живительный эликсир, пахнувший колдовством и звездами, свежим воздухом и пряным ароматом прибитой дождем пыли, легкий на вкус, как доброе вино.

Дождь.

Он сел. Одеяло сползло с плеч, и синяя холщовая рубаша мигом потемнела на спине. А дождь набирал силу, капли становились все тяжелее. По костру будто кто-то заплясал, да так лихо, что вскоре от него осталась лишь сердито шипящая струйка дыма. Шел дождь. Огромный купол небосвода треснул и раскололся на шесть темно-голубых осколков, посыпавшихся вниз, будто разбили прекрасную, покрытую глазурью вазу. При вспышке молнии он увидел мириады дождевых капель, кристаллами застывших в воздухе, словно ждущих, что их запечатлеет невидимый фотограф. А потом темнота и шум дождя.

Он промок до нитки, но продолжал сидеть, подставив лицо дождю, и смеялся, наслаждаясь тем, как капли бьют по его сомкнутым векам. Наконец, довольный, он хлопнул в ладоши, вскочил и обошел свой маленький лагерь. Был час ночи.

Дождь шел без малого два часа, а потом прекратился. Высыпали звезды, чистые, умытые и такие яркие, каких еще не бывало.

Переодевшись во все сухое, Бенджамин Дрисколл снова улегся и, счастливый, уснул.

Солнце поднялось над холмами, неторопливо послало свои лучи на землю и разбудило Дрисколла.

Он встал не сразу, а чуть помедлив. Весь долгий жаркий месяц он без отдыха трудился и ждал. Теперь он мог наконец оглянуться назад и посмотреть туда, откуда начал свой путь.

Это было зеленое утро.

Куда ни глянь, к небу поднялись деревья. Не одно, не два и не десяток, а тысячи деревьев, выросших из семян, что он посеял, из саженцев, что посадил. И не молодые неокрепшие деревца, не слабые побеги, а огромные, могучие деревья, такие высокие, что и десять человек, встав друг другу на плечи, не достанут до их верхушек; зеленые деревья с пышной, круглой, как шар, кроной, с блестящей, переливающейся, что-то шепчущей листвой. Они сбегали по склонам холмов — лимонные деревья, липы, секвойи и мимозы, дубы, вязы и осины, вишневые деревья и яблони, ясени и клены, апельсиновые деревья и эвкалипты, рожденные щедрым дождем, вскормленные чужой волшебной почвой. Они росли прямо на глазах, и на новых ветвях лопались все новые почки.

— Не может быть! — воскликнул Бенджамин Дрисколл.

Но долина и утро были зеленые.

А воздух! Он струился отовсюду, словно прохладные горные реки, щедро напоенный кислородом, который отдавали ему зеленые деревья. Хрустальные волны мерцали и переливались. Кислород, свежий, чистый, морозно-холодный зеленый кислород превратил высохшую долину в дельту реки. Вот сейчас в домах распахнутся двери, люди выбегут навстречу дивному диву, будут вдыхать воздух полной грудью, до отказа наполнят им легкие; щеки порозовеют, покраснеют носы, прихваченные морозным холодком, расправится грудь, радостно вострепетает сердце, и, забыв об усталости, люди пустятся в пляс.

Бенджамин Дрисколл жадно глотнул зеленого нектара — и потерял сознание.

Когда он очнулся, еще пять тысяч новых деревьев выбросили зеленые ветви навстречу золотому шару солнца.